

Независимая газета - 2006 -
15 фев. - с. 12.

Счастличик Бирман

Тоска по прошлому торжествует на сцене Берлинского ансамбля

Владимир Колязин Берлин

В России знают и любят французский шансон и Шарля Азнавура, но мало кто знает немецкого «барда» Вольфа Бирмана, несмотря на то что шанс воспринять его глубоко был, когда он дал единственный концерт вскоре после учреждения в Москве Немецкого культурного центра имени Гете. Немецким певцам не везет, язык их неконкурентоспособен, неэстраден, «труден» для того, чтобы придать песне шлягерность, и уж тем более, если у их искусства есть политический подтекст и всякие там прочие аллюзии... тут нужно быть слишком немцем, чтобы понимать, о чем криком кричит, надрываясь и порой почти воя под гитарный перебор, этот вечно пребывающий в штопоре Бирман. Между тем у Бирмана много общего с Высоцким (оба вышли из театра, оба были по натуре соловьями-разбойниками, творцами авторской, диссидент-

о собственном доме с деревьями перед фасадом, об удобной кровати... Потерял ли он Родину (таково название стихотворения, давшего имя программе) или обрел ее вновь - в этом еще нужно разобраться: «Ищу покой, а нахожу я спор/ О, как живой я жизни жажду/ Но слишком коротка моя длинная эпоха/ Иметь хочу я все и все хочу отдать/ Ведь я известен как каннибал друзей/ Тоской по родине всегда я полон!» Из песен и стихов преимущественно нового века, лишь отдельных песен юношеского «горлодерного» диссидентства, воспоминаний в духе конферанса, прямого шутового общения с публикой и всяких гансвурстовских приколов возникает автопортрет певца на фоне уходящей и нарождающейся эпохи. Налицо синтез театра песни и политического кабаре. Этот человек, извергавший из своей луженой глотки одни «громы и молнии», не прошел мимо ни одной идиотской акции гэдээровской бю-

Слышите барабан? Вот вам революционный гром!

ской песни, песни задворок, распространявшейся подпольно); и если бы они были знакомы, то уж точно бы побратались. Об Окуджаве не говорю: они успели встретиться и понять друг друга, окуджавская «прививка» сделала стих Бирмана прозрачнее, лиричнее и изящнее.

Месяц назад Вольфу Бирману исполнилось 70, и по этому случаю он дал концерт на сцене Берлинского ансамбля, в котором он в конце 50-х, уже после смерти Брехта, работал ассистентом режиссера и даже выходил на сцену в роли рабочего в «Матери» Брехта/Горького. В 1976 году певец, чуть ли не школьником переселившийся из Гамбурга в Восточный Берлин, был выдворен из ГДР по решению ЦК за «классовую измену» и «непристойность» (куда уж там, писать о «звереньше в моих штанах!»).

Вот он стоит один на сцене, слегка погрузневший, все с той же старенькой гитарой... садится на стул впритык к зрителям... начинает тихо, почти с интимной интонацией свою новую программу. Чуть погодя приглашает на сцену своих коллег-музыкантов, добавляя, что для него большая честь работать с профи, ведь он был дилетантом, но есть, есть у кого учиться... вспоминает свои берлинские адреса, друзей, оказавшихся доносчиками, и друзей, оставшихся друзьями... внезапно подходит к огромному барабану, колотит в него, приговаривая: «Слышите барабан? Вот так я тогда грозил. Вот вам революционный гром!» Певец вволю потешился над духом уходящих времен и вволю погрузил о том, что со времени потерял Великого поворота. А еще былой мятежник ядовито сострил в свой адрес: что же это такое, и я, как поздний Гейне, мечтаю

рокротии, нападая на нее, как коршун, не боясь никаких персон, не щадя ни оступившихся друзей, ни самого себя, шута горохового.

Певец устроил настоящий процесс во всех СМИ, когда выяснилось, что его друг, известный поэт андеграунда, был агентом «штази» и писал на него доносы, лихо прошелся по Хайнеру Мюллеру, а во время концерта - по Гюнтеру Грассу, только что сознавшемся в том, что в молодости состоял в гитлерюгенде. Его хриплый баритон многие считали и до сих пор считают высшей моральной инстанцией. Есть в фигуре Бирмана и созданном им образе парящего над Шпрее «пруссского Икара» и бросающего правду-матку в глаза охальника что-то мифически-былинное. Ведь разве его «Вольф» (волк) - не слегка наигранный, пародийно сниженный персонаж из «Нибелунгов», этаким гэдээровский Зигфрид, которому не страшны ни «призрак коммунизма», ни «штази», ни капиталистический дьявол?

В Бирмане стало меньше крика и ора, но персонкой смирения его не назовешь. Придя к поэзии диагноза-размышления, он открыл в своей душе неиссякаемый источник любви к обыкновенной жизни - к воздуху, к ребенку, к солнцу. И еще были песни-баллады с его привычными мощными рефренами, где Бирман выплескивает наружу все свои эмоции, - он пел о Пиренеях, о небе и море на юге Франции, о крови Исаака и о красной луне в Израиле, где войне нет конца, о любви, которая пахнет так прекрасно, о маленькой дочурке и о счастье у нее учиться. ■

Владимир Федорович Колязин - доктор искусствоведения, научный сотрудник ГНИИ искусствознания.